

Алиция Пстыга

Польша, Гданьский университет

Семантическая интерпретация текста: лингвистические исследования на грани методологического срыва или интеграции

Ключевые слова: текст, интерпретация, лингвистическая методология, методологическая интеграция

Key words: text, interpretation, semantics, methodology, methodological integration

Abstract

This paper concentrates on problems of semantic text interpretation as well as on methods of linguistic investigation of Russian media texts. Apart from characteristic features of the Russian language (including the lexicon), symbols, networks of associations and valuation, these texts reflect not only the phenomena they describe, but also their authors' views. This complexity requires an integrated approach to their interpretation.

В статье предлагаем рассмотреть проблемы семантической интерпретации текста в контексте вопросов методологии лингвистических исследований на основе современных русских публицистических текстов, опираясь прежде всего на когнитивный подход к изучению текста [Кронгауз 2001; Никитин 2003; Kubiński 2014]. Введением в данную проблематику может послужить вывод М. В. Никитина о том, что

Текст сам по себе мертв в том смысле, что в нем нет мысли вне дискурса и дискурсантов, вне процессов речевой деятельности – порождения и понимания речи. [...]. Движение мысли совершается в дискурсантах, отчего и возникают различия в интерпретации одного и того же текста (одной и той же кодировки мысли) [Никитин 2003: 262].

Русское медийное коммуникативное пространство представляет собой своеобразную систему дискурсивных взаимодействий, которая отличается

полидискурсивностью. В ее пределах наблюдается смешение, перекрещивание или слияние (в зависимости от жанровой специфики текста [см. Костомаров 2007; Полонский 2009; Солганик 2005; 2008]) информационного и воздействующего компонентов как в структуре текстов, так и функции текстов, часто с учетом эстетического замысла. В медиатекстах (не исключительно литературных произведениях), как отмечают многие исследователи, проявляется языковая система с лексико-фразеологическим уровнем, грамматическими значениями, ключевыми словами, прецедентными явлениями, символами и ассоциациями, оценочностью, а также языковая личность и точка зрения автора и реальная действительность. В этом аспекте важно также отметить предусмотренную автором заданность вектора интерпретации и лингвокультурное взаимодействие языковых личностей – участников коммуникативного акта.

Обсуждая проблему специфичного направления выбора адресантом набора средств выражения и приемы конструирования медиатекстов, В. Г. Костомаров утверждает, что именно в этих текстах может быть

[...] задействован любой ресурс языка, если он содействует движению по заданному направлению, [...] а любая языковая единица при верном учете внеязыковых мотивов приобретает в тексте «свою» содержательность, принадлежащую уже только ему [Костомаров 2007: 123].

Поэтому если рассматривать текст глобально, учитывая совокупность языковых средств в развертывающемся высказывании, то более наглядным становится, что всё в нем реализуется на основе публицистического приема формирования контекстуально-оценочной коннотации и ведет к созданию в тексте вторичной (подтекстовой, имплицитной) информации, его второго измерения. С. Гайда обращает внимание

[...] на функционирование медиатекста в тесном соотношении с широким и узким контекстом (культурным, историческим, политическим и т. д.). Этот контекст в значительной степени предопределяет структуру текста и влияет на его восприятие. Значение сообщения – это игра явных и скрытых интенций отправителя, дословного и подтекстового смыслов высказывания и интерпретации получателя (не всегда совпадающей с намерением автора) [Gajda 2000: 26 – перевод мой. – А. П.].

Данную установку раскрывает (ссылаясь на работы когнитивистов, прежде всего Лангакера и его идею динамической модели языка, основанной на языковом узусе в актуальном дискурсивном пространстве) в своей монографии В. Кубинский, который подчеркивает, что в некоторых случаях важнее то, что высказывания, тексты могут представлять разные аспекты внеязыковой действительности, чем то, что можно из них извлечь относительно самого языка [Kubiński 2014: 217–242].

Исследователи [см., напр., Чернявская 2014; Wilkoń 2002; Żydek-Bednarczuk 2005] указывают на то, что отдельные языковые единицы как единицы текста

(текстовые реализации языковой системы) одновременно погружаются в определенную коммуникативную ситуацию, выявляя в свою очередь, как утверждает А. Вильконь [Wilkoń 2002], что формальную структуру языковой системы нельзя перенести на текстовое пространство, поскольку в текстовом пространстве отдельные языковые единицы представляют собой не формы, а средства, служащие реализации определенной цели, в рамках которой семантическая составляющая предопределяет их коммуникативную ценность [ср. Wilkoń 2002: 30]. Однако следует отметить, что это языковая система создает возможность выбора, а также предопределяет возможность создания окказиональных значений, которые в узусе поддаются интерпретации [Wilkoń 2002: 37–39], открывая весь смысловой план текста для множества интерпретаций.

Таким образом текст, который является определенной системой внутренних соотношений (грамматических, семантических, прагматических, учитывающих общественно-культурную обусловленность), представляет собой континуум, взаимовлияние и взаимопроницаемость многих уровней которого требует особого подхода [ср. Wilkoń 2002: 30; Żydek-Bednarczuk 2005: 72; Kraskowska, Bolecki (red.) 2012]. Из сказанного следует, что в данной ситуации методы анализа отдельных уровней языковой системы оказываются недостаточными [Wilkoń 2002: 30; Чернявская 2014: 10; Кузьмина (ред.) 2013]. Текст со своей структурой, основанной на решениях и выборах адресанта и адресата, включающей такие факторы, как ситуация, тема, функция, социально-культурная обусловленность, а также отличающийся многоаспектностью в исследовательском плане, требует глобального рассмотрения и широкого методологического подхода. В интерпретации всех внутриязыковых и внеязыковых факторов наиболее перспективным следует признать междисциплинарный интегральный подход [ср. Żydek-Bednarczuk 2005: 57], что с особой силой выявляет рецептивный аспект изучения медиатекстов.

Вышесказанное целесообразно проиллюстрировать несколькими примерами. Предлагаем обратить внимание на четыре фрагмента медийных публицистических текстов (учитывая другие аспекты, они рассматривались нами также в других статьях), представляющих разные жанры, заголовки которых можно считать привлекательными и интересными с точки зрения языкового оформления и последующей интерпретации:

(1)

КУЛЬТУРНО ВЫРАЖАЯСЬ УЛОВИМЫЕ МСТИТЕЛИ

В Приморье обезврежена банда, нападавшая на милиционеров. Одни называют этих людей отморозками. Другие – Робин Гудами. Находятся и те, кто готов вслед за ними «двинуть в партизаны». Ведущая телеканала «ТВ Центр» Вера Кузьмина попыталась ответить на два извечных русских вопроса: «Что делать?» и «Кто виноват?»...

Сам факт такой колоссальной информационной шумихи вокруг, культурно выражаясь, нескольких обычных убийц и отморожков говорит о том, что все, приехали... В нормально функционирующем государстве у обывателя в принципе не может возникнуть вопрос: «А кого, собственно, убивали – милиционеров или ментов?» Милицию не случайно называют почти физиологическим термином – правоохранительные органы. По идее, для государства эти органы – иммунная система. Она призвана немедленно подавить любую заразу. Если же эти самые органы становятся рассадником болезни – весь организм под угрозой. Что же до общества – тут дело куда серьезнее [«Итоги», 14.06.2010].

(2)

РОССИЯ-2012 БЕС ПЕРЕМЕН

Новый президент, новое правительство, новая Дума, новые партии, новая оппозиция: прошедший год изменил привычные представления об игроках российского политического поля. Причем не только в лучшую сторону.

НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ ЛУЧШЕ СТАРЫХ ДВУХ

«Путин предвыборный» не предвещал резких перемен в образе правителя: он проводил многочасовые «прямые линии», встречался с «Общероссийским народным фронтом», выступил на митинге в Лужниках, писал программные статьи в газеты и, приняв пост, сразу же издал указы о повышении зарплат и уровня жизни. Он сгладил жесткую риторику и больше не говорил про «бандерлогов» – впрочем, и людей с ленточками, которые Путин принял за контрацептивы, на улицах стало к лету явно меньше [Е. Сурначева, «Коммерсантъ Власть», 24.12.2012].

(3)

БЕЗРАБОТНЫЙ И БЕСХОЗНАЯ

Мытарства знаменитой скульптуры Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» продолжают. На прошлой неделе общественный совет при мэре Москвы должен был решить вопрос о том, когда и где наконец эта парочка оберет место жительства. Напомним, что три года назад композицию разобрали на части, поскольку она была сильно попорчена коррозией и нуждалась в реставрации. И теперь возник вопрос, где будет установлена отреставрированная композиция. На общественный совет были представлены предпроектные предложения оформления площади и точки «приземления» «Рабочего и колхозницы». Все варианты содержали коммерческую составляющую в виде новых торговых, гостиничных и деловых площадей. [...] Какими бы циниками ни считали столичных руководителей, но даже они в голос зашумели: допустить этого нельзя, поскольку памятник – один из лучших образцов советского искусства и является одним из символов Москвы. [...] именно скульптура должна стать центром композиции, а все остальные части просто обязаны ее оттенять. Одним словом, все представленные варианты были отвергнуты. Однако, как оказалось, это не единственное препятствие для того, чтобы «трудяги» наконец заняли свое место [В. Мач, «Итоги», 11.09.2006].

(4)

ВОССТАВШИЕ ИЗ ЛОМА

В конце этого года, через шесть лет после начала реконструкции, скульптура Веры Мухиной «Рабочий и колхозница» должна вернуться на прежнее место.

На ВВЦ идет возведение для нее павильона-постаменты высотой в 34,5 метра, аналога того постаменты, что был сооружен в 1937 году на Всемирной выставке в Париже, где статуя впервые представили публике. Как и тогда, внутри этого постаменты разместятся торгово-выставочные помещения, а под ними расположится подземная автостоянка. Словом, в итоге должен получиться новый символ России – капитализм пополам с социализмом, новые старые песни о главном. [...]

После выставки монумент частями был возвращен на родину. При демонтаже павильона рабочие варварски разрезали его на части, и Мухиной пришлось фактически создавать новую скульптуру по старым чертежам. На ВДНХ состоялось ее новое идейное перерождение: из борцов с фашизмом «Рабочий и колхозница» превратились в бренд киностудии «Мосфильм» и всего советского кино [...]. Кем же сейчас станут «Рабочий и колхозница», которые уже в третий раз, словно птица Феникс, восстают из небытия и железного лома? [О. Филина, В. Тихомиров, К. Водопьянов, «Огонек», 23.11.2009].

Приведенные фрагменты текстов затрагивают актуальные (в определенный момент) социальные и политические проблемы российского общества. Своеобразный прием игры с читателем – активным читателем, который должен раскрыть полную текстовую и подтекстовую информацию – вынесен, как показывает материал, уже в заглавие и в указанных фрагментах достигается за счет игры слов, использования фразеологических единиц, словообразовательной структуры слов и интертекстуальности. Именно заглавие привлекает внимание читающего. Опознание и понимание содержащихся в тексте нестандартных языковых средств, часто основанных на компонентах интертекстуального характера и/или игре слов, позволяет формировать своеобразную ассоциативную базу, предопределяющую интерпретацию медиатекста. Однако, как констатирует Н. А. Кузьмина, бывает также, что

[...] в современных СМИ это нередко игра ради игры, причем достаточно часто сами прецедентные феномены употребляются только в заголовке как средство привлечения внимания и никак не комментируются в самом материале [Кузьмина 2013: 35].

Приведенный фрагмент фельетона (1) открывает модифицированное название известного советского истерна Эдмонда Кеосаяна *Неуловимые мстители* – здесь *Уловимые мстители*, которое даже на уровне дословного восприятия дает возможность неоднозначной интерпретации факта и его оценки. Однако уже в первом абзаце оно философски дополняется *извечными русскими вопросами: Что делать? и Кто виноват?* – заглавиями романов М. Чернышевского и А. Герцена, т. е. вопросами, на которые пытается ответить журналистка и которые – как крылатые единицы – в сознании россиян играют важную роль. В *Большом словаре крылатых слов русского языка* единица *Что делать* фиксируется с пометой *публицистическое* в значении ‘выражение, которым часто предваряют формулировку каких-л. задач, которые требуют решения’, чему предшествует пояснение: «название социально-политического романа Н. Г. Чернышевского, где писатель пытается ответить на вопрос о том, что

делать для освобождения России от политического и экономического угнетения и построения нового общества» [БСКСРЯ 2005: 545]. *Кто виноват?* регистрируется с информацией «от названия романа А. И. Герцена. Часто употребляется с выражением *Что делать?*» в значении ‘формулировка, которая часто служит вводом в обсуждение проблемы, кто виноват в том или ином неблагоприятном развитии событий’ с пометой *книжное* [БСКСРЯ 2005: 240].

Заглавие второй статьи (2) привлекает внимание читающего: *Бес перемен* могло бы соотноситься с предлогом *без* и семантикой отсутствия, что в сочетании *без перемен* (при имеющемся заглавии рубрики *Россия-2012*) создает отрицательную оценочность. Заглавие *Бес перемен*, учитывая славянскую мифологию и русскую книжную традицию, также навязывает отрицательную оценку. Заглавие можно также рассматривать как модификацию восходящей к Фаусту Гете крылатой фразы *бес противоречия* и чаще употребляемой *дух противоречия*. Замена компонента *противоречия* компонентом *перемены* в соседстве метафоры игрока (*игроки российского политического поля*) и констатации относительно их направления (*не только в лучшую сторону*) предопределяет оценку и задает вектор интерпретации уже в первом абзаце текста. Ироничность и негативную оценочность усиливает при этом начинающий первую часть статьи подзаголовок *Новый президент лучше старых двух*, в основе которого лежит поговорка *Старый друг лучше новых двух*.

Заголовки статей (3) и (4) *Безработный и бесхозная* и *Восставшие из лома*, касающиеся судьбы известной советской скульптуры после реставрации, непосредственно соотносятся с названием скульптуры «Рабочий и колхозница», но по-разному реализуют прием языковой игры (каждый раз цельно отражая актуальную ситуацию и состояние скульптуры-символа в 2006 и 2009 гг.), которую можно рассматривать в трех аспектах: игры заголовка с названием скульптуры в рамках интерсемиотических отношений (с использованием фотографий), игры заголовка с текстом, а также с читателем, который должен узнать интенции автора и раскрыть имплицитные смыслы. Во фрагменте (3) используется формальная структура слов и прозрачность словообразовательных отношений между мотивированными (название фельетона) и мотивирующими (название скульптуры) единицами и сильная негативность префикса *без-/бес-*, в общей категоризации мира соотносимого с категорией отрицания [Пстыга 2007; Pstuga 2007], который навязывает антонимические отношения и открывает поле отрицательных ассоциаций. В примере (4) заголовок *Восставшие из лома* вместе с дистантно расположенной единицей *птица Феникс* и всей сравнительной конструкцией «Рабочий и колхозница» [...], *словно птица Феникс, восстают из небытия и железного лома*, восходит к известной крылатой фразе *возродиться, восстать, воскреснуть как Феникс из пепла*. Крылатая фраза *птица Феникс* регистрируется БСКСРЯ с пометой *книжное* и значением ‘символ вечности, вечного возрождения; *перен.* человек, чей талант способен к возрождению даже после тяжелых жизненных потрясений,

или выдающееся произведение искусства, к которому возвращается любовь публики, несмотря на годы гонений и запретов' [БСКСРЯ 2005: 412]. Языковая игра, основанная на трансформации канонической фразы, в которой главным компонентом является символ – птица Феникс, позволяет побудить к рефлексии над значением символа, на этот раз скульптуры «Рабочий и колхозница», и символичностью ее трехкратного возвращения и возрождения: *новый символ России – капитализм пополам с социализмом*.

Специфика языкового оформления публицистической идеи (рассматриваемая не только в рамках привлекательности самого медийного текста) не исчерпывается указанными выше текстовыми единицами, поскольку в приведенных фрагментах публицистических статей появляются также другие единицы, создающие их лингвокультурное своеобразие (например, следующие слова и выражения: *отморозки (1), прямые линии (2), бандерлоги (2), люди с ленточками (2), новые старые песни о главном (4)*, каждое из которых имеет свою историю и способно вызывать нужные ассоциации).

Как доказывает приведенный материал, в медиатексте существенными становятся все случаи нестандартного употребления и модификации языковых структур, особенно применяемых в сильных текстовых позициях. Связи между планами содержания включаемой единицы в принимающий (кон)текст, основанные на принципе взаимодействия и взаимообусловленности, способствуют порождению новых смыслов и подтекстов, создавая динамичность высказывания. Взаимодействие участников речевой интеракции является результатом активной установки адресанта и адресата в рамках интерпретации действительности в дискурсивном языковом пространстве, в котором ключевым моментом следует признать отбор единиц языковой системы и порождение смыслов, согласно коммуникативной установке адресанта и внеязыковой мотивации отбора появляющихся в структуре текста единиц – в номинативном плане модифицируемых его точкой зрения и контекстом. Их текстовые актуализации опираются на общественный и культурный контекст, на фоне которого выявляются коннотации, позволяя ввести элемент оценки и формировать прагматическое и аксиологическое измерение текста.

Язык является средством обмена информацией, а также хранения информации в коллективном сознании и памяти культурно-языковой общности. Текст представляет собой интегральное знаковое целое благодаря предпосылкам адресанта и интерпретационным возможностям (или усилиям) адресата, которые в процессе коммуникации преобразуют значения отдельных текстовых единиц в глобальный смысл [Dobrzyńska 1993; Kubiński 2014; Langacker 2003; 2009]. Текст – интегральное знаковое целое – приводит к рефлексии над возможностями его семантической интерпретации и методологией лингвистических исследований. В заглавии статьи указаны два пути: лингвистические исследования на грани методологического срыва или методологической интеграции. Если, как утверждает Никитин,

Язык как речь и текст выступает по отношению к миру в двух ипостасях одновременно. Отражаемый и выражаемый мир, с одной стороны, и язык как выражение мысли о нем – с другой, соотносятся как две части единого процесса речемыслительной деятельности. Но язык как деятельность, язык в использовании, как поступок составляет часть мира. Таким образом, язык выступает и как нечто особое, параллельное миру, и как часть мира, его продолжение и усложнение [Никитин 2003: 262], –

то несомненно следует указать на результаты исследований В. Хлебды, который доказывает, что языковую действительность исследователь может изучать на основе текстов, в которых она проявляется. Языковая действительность существует лишь в текстах, каждый из которых представляет собой результат субъективного отбора языковых единиц его создателя, опирающегося в своих решениях на культурный фактор, национальную идентичность и память. Доказанные в серии исследований польского лингвиста¹ положения позволяют автору говорить о языке – обращаясь к архитектурному термину – как о филологическом замке гуманитарных наук.

Учитывая специфику приведенных в работе фрагментов текстов, опираясь на теоретически и эмпирически обоснованные подходы лингвистов к изучению языка и текста в частности [Kilklewicz 2012; Кронгауз 2001 и др.], целесообразным считаем предложить интердисциплинарный подход и интегральное описание языка с учетом методологической комплиментарности как приема взаимодополняющего описания, так как именно язык является, повторяя вслед за В. Хлебдой, филологическим замком гуманитарных наук.

Литература

- БСКСРЯ, 2005: Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулержкова С. Г., *Большой словарь крылатых слов русского языка*, Москва: АСТ, Астрель, Русские словари.
- Костомаров В. Г., 2007, Глобализирующее влияние масс-медиа на язык [в:] *Президиум МАПРЯЛ 2003–2007. Сборник научных трудов*, Санкт-Петербург.
- Кронгауз М. А., 2001, *Семантика*, Москва: Российский государственный гуманитарный университет.
- Кузьмина Н. А., 2013, Интертекстуальность как обязательная категория медиатекста [в:] Н. А. Кузьмина (ред.), *Современный медиатекст. Учебное пособие*, Москва: Флинта – Наука.
- Кузьмина Н. А. (ред.), 2013, *Современный медиатекст. Учебное пособие*, Москва: Флинта – Наука.
- Никитин М. В., 2003, *Основания когнитивной семантики*, Санкт-Петербург: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена.

¹ Имеем в виду прежде всего научные статьи В. Хлебды, опубликованные в журнале «Etnolingwistyka», а также доклад под заглавием *Językoznawca na rozdrożu czy na pograniczu nauk* (Гданьск 2012).

- Полонский А. В., 2009, *Сущность и язык публицистики: Учебное пособие*, Белгород: Издательство Белгородского университета.
- Пстыга А., 2007, Текстообразующие потенции словообразовательных морфем [в:] *Мир русского слова и русское слово в мире. XI конгресс МАПРЯЛ*, т. 1, София: Херсон прес.
- Солганик Г. Я., 2005, О структуре и важнейших параметрах публицистической речи [в:] Г. Я. Солганик (ред.), *Язык современной публицистики. Сборник статей*, Москва: Флинта – Наука.
- Солганик Г. Я., 2008, Стилистические особенности языка СМИ [в:] М. Н. Володина (ред.), *Язык средств массовой информации*, Москва: Альма Матер.
- Чернявская В. Е., 2014, *Текст в медиальном пространстве*, Москва: Книжный дом «ЛИБРКОМ».
- Dobrzyńska T., 2003, *Tekst – styl – poetyka. Zbiór studiów*, Kraków: Universitas.
- Gajda S., 2000, Media – stylowy tygiel współczesnej polszczyzny [в:] J. Bralczyk, K. Mosiołek-Kłosińska (red.), *Język w mediach masowych*, Warszawa: Upowszechnianie Nauki – Oświata „UN-O”.
- Kilkiewicz A., 2012, *Znaczenie w języku – znaczenie w umyśle. Krytyczna analiza współczesnych teorii semantyki lingwistycznej*, Olsztyn: Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie.
- Kraskowska E., Bolecki W. (red.), 2012, *Kultura w stanie przekładu. Translatologia – komparatyka – transkulturowość*, (Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej), Warszawa: Instytut Badań Literackich.
- Kubiński W., 2014, *Obrazowanie a komunikacja. Gramatyka kognitywna wobec analizy dyskursu*, Gdańsk: Fundacja Terytoria Książki.
- Langacker R. W., 2003, Model dynamiczny oparty na uzusie językowym, tłum. W. Kubiński [в:] W. Kubiński, E. Dąbrowska (red.), *Akwizycja języka w świetle językoznawstwa kognitywnego*, Kraków: Universitas.
- Langacker R. W., 2009, *Gramatyka kognitywna. Wprowadzenie*, tłum. E. Tabakowska i in., Kraków: Universitas.
- Pstyga A., 2007, Konstrukcje słowotwórcze w tekście publicystycznym: reguły formalne i strategie komunikacyjne [в:] V. Maldjewa, Z. Rudnik-Karwat (red.), *Słowotwórstwo i tekst*, (Prace Slawistyczne, t. 124), Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Wilkoń A., 2002, *Spójność i struktura tekstu*, Kraków: Universitas.
- Żydek-Bednarczuk U., 2005, *Wprowadzenie do lingwistycznej analizy tekstu*, Kraków: Universitas.